

наша русь

Елена Галкина

РУССКИЙ КАГАНАТ

**без
хазар
и
норманнов**

Наша Русь

Елена Галкина

**Русский каганат. Без
хазар и норманнов**

«Алисторус»

2012

УДК 94(47)
ББК 63(3)

Галкина Е. С.

Русский каганат. Без хазар и норманнов / Е. С. Галкина —
«Алисторус», 2012 — (Наша Русь)

Новейшие исследования подтвердили достоверность упоминаний в арабо-персидской литературе о загадочном Русском каганате, который долгое время отождествлялся с Хазарским. Главный этнос этого военно-торгового государства составляли селившиеся в верховьях Донца и Дона сармато-аланы, оказавшие значительное влияние на славянские племена и образование Древнерусского государства. Именно земли Русского каганата после его гибели вошли в ядро Киевской Руси, оставив славянам имя «Русь». Книга убедительно опровергает укоренившуюся в истории хазарско-норманнскую концепцию о происхождении и развитии Руси, продлевая русскую историю в глубь веков.

УДК 94(47)
ББК 63(3)

© Галкина Е. С., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

Введение	6
Зачем нужно знать, «откуда есть пошла Русская земля»	7
«Род русский» и его значение	12
Загадка русов в источниках	13
Часть 1	15
Глава 1	15
Появление этнонима «русь» в Европе	15
Послы кагана росов у франкского императора	16
Славяне и русы в Баварском географе	19
Встречи с Византией	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Сергеевна Галкина
Русский каганат. Без хазар и норманнов

© Галкина Е. С., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Введение

Об истоках Русского государства

По обилию споров и спекуляций, возникающих в современных научных и околонучных кругах, с древнейшим периодом русской истории могут соперничать, пожалуй, лишь сюжеты, связанные с Октябрьской революцией.

Вопрос о начальных этапах становления Древнерусского государства действительно один из центральных в изучении российской истории. Взглядом на него во многом определяется точка зрения на события последующих столетий, на общую линию развития России, да и на современные события. Именно тогда закладывались основы славяно-русского менталитета и особой социальной структуры, пронесенные через сотни лет и ныне коренным образом отличающие русский народ от европейцев. Кто создал государство на Руси, какие корни имеет великая культура домонгольского периода – от ответа на эти вопросы зависит и видение будущего России. И за предложением определенной концепции «начала Руси» стоит, как правило, конкретная *политическая* позиция. Поэтому исследование истоков Руси всегда сопровождалось жесткой борьбой, причем не только научной.

Сейчас, например, на ведущую роль в русской науке претендует норманнская концепция. Восточная Европа VIII–X веков, согласно представлениям нынешних норманистов, была разделена на две примерно равные сферы влияния: с северных областей взимают дань варяги-норманны (они же русы), с южных – иудейская Хазария. Мысли о способности славян к государственному строительству и об истоках российской власти напрашиваются сами собой...

Зачем нужно знать, «откуда есть пошла Русская земля»

Обсуждая вопрос о возникновении Русского государства, нужно договориться о понятиях и принципах. Само слово *государство* многозначно и противоречиво. В широком смысле понятие *государство* равнозначно *стране*, то есть объединяет на определенной территории и народ, и власть. В узком историко-политологическом смысле это отделенная от общества и находящаяся над ним организация, система учреждений, обладающие верховной властью на этой территории, включая монополию на насилие. Именно отделение публичной власти – это главный рубеж между родоплеменным строем и *цивилизацией*. В поисках истоков государственности на Руси нужно опираться на три обязательных признака. Налицо должны быть и территория, и народ, и независимая власть, контролирующая эту землю.

Вторая оговорка касается философской позиции. Дискуссиям о современных методах познания и концепциях исторического развития можно посвятить не одну книгу. Нет смысла здесь вдаваться в споры о новомодных течениях, не давших миру ни одного исторического открытия. Это и неудивительно. Как можно заниматься *наукой историей*, изначально думая, что нет ни законов истории, ни прогресса в развитии человечества, а задача ученого сводится к накоплению и описанию фактов? Такая философская позиция неотвратимо ведет в тупик, из которого выбраться очень трудно. Наиболее эффективной методологией историка, по моему убеждению, была и остается диалектика, а точнее – диалектический материализм, благодаря которому ученые, так или иначе его использующие, намного опередили своих коллег, поддавшихся цивилизационным и эпистемологическим соблазнам.

Государственная форма является важнейшим фактором устойчивости социального организма. Поэтому естественно, что в большинстве научных работ философского и исторического плана именно государство рассматривается как знаковый рубеж между *доисторическим* и *историческим* периодами развития любого общества, своеобразный венец первобытнообщинного строя. Поэтому проблема происхождения государства и этнической принадлежности его господствующего класса в свете таких установок напрямую связывается с вопросом об исторической судьбе этого государства и этносов, его составляющих.

Действительно, роль государства в *ранних обществах* в большинстве можно характеризовать как прогрессивную и с позиций марксизма. Однако необходимо учитывать, что процесс образования государства – политогенеза прогрессивен не сам по себе, а как формальное отражение и закрепление великого прогрессивного явления – разделения труда, и абсолютизация прогрессивности политогенеза без учета его влияния на развитие социально-экономических отношений неприемлема. Именно эта абсолютизация привела к современному состоянию так называемой норманнской проблемы: «официальный» антинорманизм не устоял после принятия норманистами тезиса о том, что восточные славяне были в IX в. способны к созданию государства без внешнего (норманнского) вмешательства. Результат очевиден – большинство специалистов по истории Древней Руси и раннесредневековой Восточной Европы на современном этапе придерживаются норманнской теории, принимая две сотни лет назад опровергнутую аргументацию Байера и Миллера.

В основе же этого процесса в новейшей отечественной историографии была методологическая ошибка советской антинорманистской школы. Известное замечание Энгельса о том, что *государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу*, было понято слишком буквально – как необходимость умаления роли внешнего фактора в становлении государства. Таким образом, чтобы снять норманнскую проблему, казалось достаточным доказать способность славян к самостоятельному созданию государства. Но этот подход был в корне не верен.

Пути возникновения государства и его ранние формы отличаются исключительным внешним разнообразием. Попытки найти всеобщую закономерность политогенеза, жестко «привязанную» к процессу классообразования, привели к тому, что практически не исследовались наиболее острые, спорные вопросы. Этническое взаимодействие в процессе государствообразования принадлежит именно к этому кругу проблем. В советской науке до 1980-х гг. так и не появилось монографического исследования потестарно-политической этнографии, между тем как на Западе возникали одна за другой теории соотношения этнического и политического на ранних этапах истории народов (М. Вебер и «чистые типы» политической власти, концепция «социальной сети» Дж. Барнса, теория завоевания Ф. Оппенгеймера и Л. Гумпловича, «энергетическая» теория Л. Уайта и др.). С особенной тщательностью отечественные ученые обходили вопрос о взаимовлиянии этносов, один из которых участвовал в политогенезе в роли «социальной верхушки».

Для понимания закономерностей взаимодействия различных этносов в процессе политогенеза необходимо определить соотношение биологического и социального начал в самом этносе, а также связь этнического и политического.

Термин «этнос» введен в научный оборот довольно давно, однако научное осмысление его как понятия для обозначения общности людей произошло лишь в последние десятилетия. Это связано с возрастанием общественного и научного интереса к проблемам этногенеза, этнической истории.

Несмотря на остроту современных этнических процессов, в науке еще не сложилось общепринятого понимания сущности и структуры этноса, этничности как категории, обозначающей отличительные черты этноса. Однако этнологи мира пришли к единому мнению по наиболее принципиальному вопросу в определении этноса: *он не существует вне социальных институтов*, выступающих в роли его структурообразующей формы. Термин «этничность», пришедший из западной этнографии, выражает ту же позицию.

Дискуссии ведутся по проблеме соотношения, первичности и вторичности биологического и социального в этом диалектическом единстве¹. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении первобытнообщинного строя и ранних государств. Если вопрос решается в пользу первичности биологического начала, этнос понимается как разновидность популяции и характеризуется антропологическими признаками. Социальные процессы, в том числе и образование государства, ставятся, таким образом, в жесткую зависимость от биологических характеристик (П. ван ден Берг, Л. Н. Гумилев и др.). Эта точка зрения не нова. Именно отсюда следуют выводы о народах «сильных» и «слабых», «исторических» и «неисторических», широко используемые в националистических и расистских идеологиях.

Этот вопрос не решен и сейчас, причем теперь оценке подлежит огромный этнографический материал. Если оценивать времена, близкие к историческим, то легко обнаружить, во-первых, неоднородность «исходных» антропологических типов практически всех народов, во-вторых, несовпадение археологических культур и лингвистических зон с ареалами распространения того или иного расового облика. Однако, по замечанию В. П. Алексеева, в отдаленном прошлом «можно уловить следы былого совпадения» между биологическими и социальными общностями². При этом, несмотря на то, что язык, социальная структура и культура развива-

¹ В современной этнологии обычно выделяются три понимания этноса и этничности. В примордиалистских теориях этнос считается реально существующим феноменом, имеющим объективную основу в природе или обществе. И биологические, и социальные концепции относятся по этой классификации к примордиализму. Два других направления – инструментализм (западная политология и социология, в России – информационная теория Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова) и конструктивизм (Ф. Барт, в современной России – В. А. Тишков и др.) относят этничность к надстроечным явлениям, духовной культуре и ограничивают этническим самосознанием. Таким образом, этнос выносится из области общественного бытия в сферу общественного сознания.

² Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2. С.36.

ются по иным законам, нежели раса, в условиях длительной изоляции (что характерно для древнейших обществ) для всех их одним из важнейших факторов становится популяция. С одной стороны, роль биологического нельзя абсолютизировать, но неразумно игнорировать такие очевидные факты из опасения дать почву расизму.

Ведь концепции этнического превосходства одних народов над другими вытекают из предположения об определяющей роли биологических особенностей. Более того, расизм идеализирует как раз то, что порождает замедленность социального и культурного развития – обособленность. Совпадение расового и социального – свидетельство отсталости данного этноса, поскольку обособленность задерживает развитие. О совпадении расового, этнического и социального можно говорить на ранних этапах социогенеза, когда обособленность общностей была нормой в силу уровня развития производительных сил. Ю. В. Бромлеем было предложено выделять этносы в узком смысле (этникосы), в которые включаются все группы людей данной этнической принадлежности, и этносоциальные организмы – территориально-компактные и социально-политически организованные части этноса³. Первоначально, на заре социогенеза, этникос характеризуется прежде всего биологическими признаками. Таким образом, корректно говорить о совпадении начальных этапов образования рас, этно- и социогенеза.

Причем одним из основных признаков этнической общности является определенная форма социально-территориальной организации как основной формы человеческого бытия. Связь между этникосом и потестарно-политической структурой *изначально*. Проявляется она, во-первых, через общественное производство, которое не может существовать вне социальных институтов. Таким образом, этникос (этнос в узком смысле) становится этносоциальным организмом. Во-вторых, через территориальную организацию, причем значение ее увеличивается при переходе к производящему хозяйству. *Социальная структура* в первобытном обществе может рассматриваться как структура власти в данном общественном организме. Потестарная организация обеспечивает регуляцию общества как самовоспроизводящейся системы. Таким образом, потестарная организация выступает как ядро консолидации первобытного этноса.

Одним из системообразующих факторов на ранних этапах его развития выступает язык. Членораздельная речь является результатом достижения определенного уровня социального и культурного развития, как инструмент обслуживания потребностей общества, аккумулярующих итоги трудовой деятельности. Таким образом, этносоциальная общность на ранних этапах должна совпадать с лингвистической. Можно говорить о диалектическом единстве социального и этнического лишь на ранних этапах становления человеческого общества, до начала разложения родовой общины. Тогда зачатки потестарной структуры уже несут в себе специфические признаки данного этноса.

После перехода к производящему хозяйству появляется тенденция к расширению этносоциального организма. Отдельные племена в результате разделительных и ассимиляционных процессов (связанных с переселениями и завоеваниями) нередко расширялись до масштабов, во много раз превосходящих размеры первоначальной общности. Основным объединяющим фактором для таких образований обычно выступает язык. По внутренней этносоциальной структуре они представляют собой «семьи племен».

В последнее время этнографами собран огромный материал, позволяющий представить сложность и противоречивость путей классового образования. Очевидно, что государство и право не могут возникнуть ранее деления общества на классы. Но все эти формы не возникают одновременно, им предшествуют предклассы, протогосударства, ранние формы эксплуатации. Внутренние противоречия часто приводили к гибели подобные образования.

Но не племя (как длительное время считалось) является исходным пунктом политогенеза. Племя существовало еще на начальном этапе политогенеза и состояло из родственных

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1974. С. 32–35.

общин. Функции его выражены неярко. В эпоху раннего железа племена насчитывали десятки и сотни тысяч человек, объединенных этническим самосознанием (общность происхождения, языка/диалекта, мифологической традиции и религии). Согласно закону энтропии, по мере расселения членов коллектива, родственная солидарность убывает, тем более что существование племени связано по времени с разложением родовой общины. Племя существовало как аморфная сумма общин, и лишь экстраординарные обстоятельства могли превратить его в жесткую потестарную структуру. Племя в этом качестве появляется в Малой Азии, Центральной Азии, Южной Европе – т. е. там, где вступает в дело военный фактор. Развитие же общества шло в длительной, занимавшей многие тысячелетия борьбе кровнородственных и чисто социальных связей. В ранних государствах можно видеть самое причудливое переплетение тех и других.

Как правило, стимулировали политогенез именно внешние вторжения, межэтнические контакты. В первобытности потестарная структура этноса ориентирована на замкнутость. Простые (первичные) протогосударства возникают в рамках даже не племени, а его части – этносоциального организма или в результате слияния субкланов нескольких племен. *Вторичное протогосударство* (или раннее государство) появляется на последнем этапе политогенеза, когда на первое место выдвигается война, возникающая в результате расширения производства и усилившегося соперничества вождей. Цель этой войны не грабеж, а увеличение территории и населения для производства и реализации избыточного продукта.

Массовые миграции чрезвычайно ускоряли процесс замены основных этносоциальных ячеек первобытности новыми, более крупными общностями – народностями. При переселении на новую территорию, как правило, происходило столкновение с местным населением.

Здесь могло быть несколько путей развития. Если встречались субкланы двух родов, еще не знавшие и первичного протогосударства, примерно равные по развитию, образование протогосударства шло по пути синойкизма. То есть между ними устанавливались территориальные связи, кровнородственная иерархия забывалась, и возникала гетерогенная соседская община. Так начинался новый этнос с особой социальной и потестарной структурой. Системообразующим элементом становилась община с устойчивыми демократическими традициями. Примером такого пути могут служить римские патриции (синойкизм 3 субкланов разных этносов).

Часто же столкновение завершалось завоеванием пришельцами автохтонного населения. Как правило, это происходило при схватке этносов, уже знакомых с первичным протогосударством и имевших давние социальные и политические традиции. В социально-экономическом отношении эти завоевание могли иметь тройкий характер: 1) завоеватели навязывают свой способ производства; 2) победители оставляют без изменения способ производства побежденных, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства, в результате которого возникает третий.

В этническом отношении возможны следующие возможные исходы: 1) полная ассимиляция завоевателями местного населения; 2) пришлое население растворяется в местном; 3) происходит синтез этнического суперстрата и субстрата, в результате чего возникает новая общность. *Критерием* этнической ассимиляции является утрата этнического самосознания, которой предшествует культурная и языковая ассимиляция. Однако закономерность этнических процессов при завоевании пока не выявлена.

Например, политическое господство пришлого населения дает ему явную фору. Но если завоевание не влекло за собой сколько-нибудь существенных перемен в хозяйственно-культурной жизни, в способе производства, местное население сохраняло свой язык и этническое самосознание. В случае, например, с Дунайской Болгарией и Русью от «суперстрата», «социальной верхушки» сохранилось лишь название и некоторые антропологические черты. Получается, что «элита», находившаяся примерно на одном уровне развития с автохтонным населением, ассимилировалась в обоих случаях менее чем за полтора века.

Как показывают этнографические исследования, развитие подобных структур может идти двумя путями. В первом варианте раннеполитическая структура, ориентированная на расширение и характерная для эпохи разложения первобытнообщинного строя, может принять вид надстройки, этнически чуждой основной массе населения. В этом случае происходит *прочная фиксация этнических границ средствами власти*. Этническая граница становится кастовой.

Во втором варианте сосуществуют две параллельные структуры (на нижнем уровне управления сохраняются структуры основной массы населения). Конечно, элита стремится сохранить внутреннюю корпоративность, и этническая стратификация все равно становится и социальной, ассимиляция происходит медленно, конфликты неизбежны.

По иному пути пойдет развитие, если пришлое население достаточно многочисленно и переселение не связано с жестокой борьбой с местными жителями, а также если пришельцам нашлось место в экологической нише. К примеру, если основное занятие местного населения – земледелие, а пришлого – ремесло и торговля. При разных традициях (построение властной вертикали в территориальной общине – снизу вверх, при родовой – сверху вниз) могло произойти усвоение политической организации одного этноса другим. Традиции потестарно-политической организации относительно самостоятельны, поэтому они значительно легче усваиваются общностями иной культуры по сравнению с другими элементами этничности при условии *стадиальной близости* контактирующих этносоциальных организмов.

Процесс синтеза предполагает обмен опытом, как производственным, так и организационным, между участвующими в нем этносами, взаимную ассимиляцию. Причем чем больше будет разница в традициях социальной организации и культурных традициях между «победителями» (или этносом господствующего слоя) и «побежденными», тем дольше и мучительнее становится процесс синтеза: римско-германский синтез занял не менее 4 веков. Если разрыв очень велик (примеры для раннесредневековой Европы – Гуннская держава, Аварский каганат), взаимная ассимиляция уже невозможна и созданное таким путем государственное образование быстро разрушается.

Этническое происхождение социальной верхушки является одним из важнейших вопросов при изучении проблемы политогенеза в конкретном обществе. Состав господствующего слоя оказывает непосредственное влияние на социально-политическую структуру; именно политическими традициями этого слоя определяется путь деформации «чистого» генезиса государства. Исследование конкретно-исторических примеров синтезного пути ближе подводит к выделению критериев, по которым определяется характер отношений между государствообразующими этносами, от коего, в свою очередь, зависит политическая организация зарождающегося государства.

Этническое происхождение социальной верхушки является одним из важнейших вопросов при изучении проблемы политогенеза в конкретном обществе. Состав господствующего слоя оказывает непосредственное влияние на социально-политическую структуру; именно политическими традициями этого слоя определяется путь деформации «чистого» генезиса государства. Исследование конкретно-исторических примеров синтезного пути ближе подводит к выделению критериев, по которым определяется характер отношений между государствообразующими этносами, от коего, в свою очередь, зависит политическая организация зарождающегося государства.

«Род русский» и его значение

К IX в. развитие славянских племенных союзов Восточной Европы шло по бессинтезному пути. Основой образования этих протогосударств была славянская территориальная община; общество структурировалось «снизу вверх». Однако экономически целесообразная земская власть не могла простираться на обширные территории. Возвыситься над ними могла лишь власть внешняя. Для Южной Руси этим внешним фактором стало племя «русь». В IX–X вв. именно «род русский» соединил обширные восточнославянские земли, выполняя функции организации обороны и поддержания внутреннего мира (в качестве «третьей силы»).

Конечно, ни один специалист уже не отрицает, что в процессе образования Киевской Руси и древнерусской народности участвовало несколько различных этносов, что в политической структуре Древнерусского государства сочетались разные формы управления и что название «Русь» имеет изначально неславянское происхождение.

Кто были эти русы, как повлияли они на формирование социально-экономической и политической системы Руси – все это порождает узел пока не разрешенных до конца проблем, неразрывно вплетенных в общую картину истории Юго-Восточной Европы конца I тысячелетия н. э. Именно изучение данной территории, особенно областей, соседствовавших с землями восточных славян, может внести некоторую ясность в вопрос об истоках Руси.

Вполне понятно, почему проблеме этнической принадлежности племени «русь» уделяется столько внимания. Русы, согласно свидетельствам современников, являлись социальной верхушкой Древнерусского государства. Об этом писали и арабские географы еще в IX веке, и византийский император Константин Багрянородный – в X в., и другие.

Загадка русов в источниках

Многочисленные раннесредневековые источники, упоминающие русов, часто противоречат друг другу и в локализации «руси», и при описании социальных отношений, хозяйственного уклада, обрядов. Различные византийские, немецкие латиноязычные, восточные письменные источники располагают русов во многих, даже не связанных между собой торговыми путями, районах Европы от Уральского хребта и побережья Каспия до западной Прибалтики и германских земель (причем включая территории, на которых нет археологических подтверждений присутствия славян).

В древнерусских свидетельствах также нет единства: уже Повесть временных лет дает две версии: «киевская» выводит полян-русь из Норики, «новгородская» производит горожан «от рода варяжска», а княжескую династию – от варягов-руси. Автору «Слова о полку Игореве» не известен ни тот, ни другой вариант. В русских летописях и польских хрониках XVI–XVII вв., среди многих других присутствующих там версий, утверждается сарматское происхождение Руси.

Поскольку историография этой проблемы развивалась в русле «моноцентризма» локализации русов (усилия были направлены на поиск *одного* племени русь, которое можно расположить в *одном* месте), значительное число источников по проблеме, будучи известным уже в XVIII в., оставалось не исследованным. Информация же, содержащаяся в письменных памятниках, удостоенных научного комментария, была «распределена» между различными концепциями: сторонники *славянского происхождения* русов использовали данные одной из арабо-персидских традиций, византийские сочинения, Никоновскую летопись, Степенную книгу, «полянскую» версию Повести временных лет, отождествляющие русь и славян, *норманисты* – «Варяжскую легенду», германские средневековые хроники, другую часть восточной географической и исторической литературы, четко разделяющие эти два этноса.

Однако среди моря свидетельств современников о русах существуют источники, несущие столь важные данные, что обойти их стороной не имела права ни та, ни другая научная школа. Это сообщения о русах с каганом во главе, содержащиеся в Бертинских анналах Франкской империи под 839 г., а также в аутентичных (то есть современных) восточных историко-географических сочинениях.

Бертинские анналы, точнее, та их часть, которую приписывают св. Пруденцию Труаскому, сообщают о прибытии посольства византийского императора Феофила в столицу франков Ингельгейм к Людовику Благочестивому, причем вместе с этим посольством были послы и другого народа, называвшие себя росами (Rhos), а своего правителя – Каганом (chaganus). Феофил просил императора франков помочь им вернуться на родину, поскольку ближайшие пути туда были перерезаны «варварами, очень жестокими и страшными народами». Распросив послов, Людовик заподозрил в них «свеонов» (esse Sueonum). прибывших с разведывательными целями⁴.

Со «свеонами» и русами с каганом во главе обычно увязывается термин «каган» в привязке к норманнам (Nortmannorum), упоминаемый в переписке франкского императора Людовика II с византийским коллегой Василием I под 871 г. Людовик, споря с Василием о титулах правителей различных народов, писал:

*Хаганом (chaganus) же, как мы убеждаемся, звался предводитель авар, а не хазар или норманнов (Nortmanni), а также не правитель болгар, а король или государь болгар*⁵.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010. С.18–21.

⁵ Там же. С. 23–24.

При этом титул кагана был прекрасно известен франкам еще в VIII в., когда те долго, но успешно воевали с аvaraми и даже заставили аварских послов присягнуть Карлу Великому в 797 г. Франкские Королевские анналы упоминают кагана авар под 782, 796 и 805 гг., причем в формах, имеющих ту же фонетическую интерпретацию (*сaganus, chagan, kagan, chagaus*), что и записи под 839 и 871 гг.⁶. Также имелись у франков представления и о свеонах. Следовательно, вероятность того, что *сhacanus* – это личное имя правителя русов, бесконечно близка к нулю.

Многие же арабские и персидские авторы X–XIV вв., сведения которых не датированы, но восходят к VIII – нач. IX вв., упоминают о русах (или об «острове русов») с каганом во главе, называя этот политический союз государством наравне с Хазарией и Сариром, в котором имеются «большие богатые города».

Этот круг источников о русах уникален: западные и восточные авторы здесь единодушны в терминологии определения главы государственного образования – каган, но и один из самых трудных для интерпретации: *Sueones* (обычно понимаемые как «шведы», скандинавы) и *каган норманнов* указывают, кажется, на северную, «норманистскую» локализацию русов, степной термин *каган* – на юго-восток Европы.

Вопрос интерпретации этих сведений является одним из ключевых в исследовании проблемы образования Древнерусского государства. Титул кагана применительно к главе русов предполагает существование по крайней мере в 839 г. государственного образования, в названии которого присутствует корень *ros/rus*, в то время как возникновение на политической арене Киевской Руси датируется кон. IX в. Более того, титул кагана, официально признаваемый соседними государствами, значил в евразийских степях то же, что «император».

Слитые воедино «свеоны», «норманны», «росы» и «каган» побуждали и норманистов, и антинорманистов часть этих сведений принимать, часть же – произвольно опускать, поскольку сторонники норманнской теории не могли объяснить, как титул кагана оказался в Скандинавии, а антинорманисты, в свою очередь, – упоминания свеонов и норманнов. В альтернативе Скандинавия – Киевская Русь вопрос не разрешается.

Современным сторонникам норманно-хазарского господства над славянами кажется, что все объясняет их идея: здесь и скандинавы (свеоны), и хазары (каган). И поскольку научный мир справедливо признает, что титул кагана в степи аналогичен императорскому, то получается, что «шведско-хазарский передел» Восточной Европы практически на 100 % «обоснован».

А если, к примеру, добавить еще такую запись арабо-персидского географа Ибн Русте: «Они (русы. – *Е. Г.*) нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар (Волжскую Болгарию. – *Е. Г.*), продают их; нет у них полей пахотных, так как они едят то, что привозят из земли славян». Кто еще может прийти в голову, как не известные норманно-варяги-русы в одном лице, завладевшие северными славянскими племенами и бравшие с них дань? Юг же славянских земель находился долгое время под хазарским игом (или благотворным влиянием – как кому нравится).

Между тем норманно-хазарская концепция, оказавшаяся в последнее время в авангарде исторической науки, имеет весьма зыбкую основу. Это касается как норманизма, так и версии о господстве над югом Восточной Европы Хазарского каганата. Обе теории разбиваются при первом же непредвзятом, серьезном взгляде на проблему. Тем более что наука сейчас впервые имеет достаточно материала, чтобы предложить непротиворечивое решение проблемы Русского каганата. А значит, нанести на историческую карту первое русское государство.

⁶ Garipzanov I. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rus// *Ruthenica* 5(2006). P. 10.

Часть 1

Русы и их соседи глазами современников

Глава 1

«Народ неизвестный, но получивший имя...»

Появление этнонима «русь» в Европе

Проблема происхождения этнонима «русь» – одна из самых сложных и запутанных. И во многом потому, что это название встречается в Средние века в самых разных областях Европы, обозначая явно не одно и то же. Русов знают и арабы, и персы, и франки, и византийцы. Когда впервые состоялось знакомство этих народов с русами – определить очень трудно. С одной стороны, во многих поздних сочинениях, когда уже широко была известна Киевская Русь, а потом и Московия, в рассказах о событиях IV–VIII вв. называются русы.

Византийский писатель XIV в. Никифор Григора упоминает некоего русского князя, служившего при дворе императора Константина в начале IV в. н. э. Составленная в Московской Руси Степенная книга, излагая в форме генеалогий историю Руси от Рюрика до Ивана Грозного, рассказывает о битве римского императора Феодосия (379–395 гг.) с «русскими вои». Там же говорится о нападении русов на «Селунский град» (Салоники).

В VI в. в Причерноморье и на Кавказе восточные авторы начинают упоминать русов. Но делают это в основном авторы XI–XVI вв. Единственное современное сообщение – рассказ неизвестного сирийца, обычно именуемого Псевдо-Захарией, о народе рос в Северном Причерноморье по соседству с амазонками, песьеголовыми и другими фантастическими племенами. Подобное сообщение вызвало естественное недоверие ученых, многие из которых поспешили объявить росов Псевдо-Захарии ременисценцией упоминавшегося в Ветхом Завете термина «наси-рош» (в переводе с иврита «верховный глава»). Якобы в результате неточного перевода на греческий – «князь Рош» – возникло представление о мифическом народе росов, живущем на краю света.

В Западной Европе тоже имеются данные о русах до IX в. И опять-таки все они сохранились в более поздних источниках. Во французской поэме об Ожье Датчанине (XII–XIII вв.) упоминается русский граф Эрно. Он якобы возглавлял русский отряд, который защищал столицу лангобардов Павию от войска Карла Великого в 773–774 гг. В Северной Италии русы занимали район Гарда близ Вероны. Таким образом, если это правда, некие русы находились в Италии в третьей четверти VIII столетия. Вторит поэме и «Песнь о Роланде» в записях XII–XIV вв. Там русы оказываются в числе противников франкского войска, а также упоминаются «русские плащи». Еще в одной французской поэме конца XII – начала XIII в. в числе приближенных Карла Великого назван русский граф. А в поэме «Сесн», датирующейся концом XII в., действует русский великан Фьерабрас, выступающий против Карла Великого на стороне Гителлена-Видукинда Саксонского. Этому герою посвящена и одноименная поэма, где богатырь из России оказывается царем Александрии и Вавилона, а также правителем Кельна и Руси. Попав в плен, он становится верным слугой Карла Великого.

Если бы все эти сообщения сохранились в рукописях, современных событиям, мы могли бы, даже не используя археологический материал или лингвистику, уверенно сказать, что этнос «рус» существовал еще в первых веках н. э. и был весьма активной политической силой на просторах от Северного Кавказа до Пиренейского полуострова. И уже исходя из этого, можно

было бы ставить вопрос, один это этнос или несколько и как они друг с другом соотносятся. Но, к сожалению, аутентичные (современные событиям) источники этого периода не сохранились. Поэтому использовать эти данные можно только после огромной работы по доказательству их подлинности, что далеко не всегда возможно. Например, объявить достоверным сообщение арабского историка XI в. ас-Са'алиби о русах на Кавказе можно только после того, как на основе археологии, нумизматики, эпиграфики, антропологии и других исторических дисциплин будет доказано присутствие этноса русов на Кавказе именно в VI в.

Поэтому не будем изначально вступать на столь зыбкую почву, а обратимся к записям о русах современников. Они, как правило, случайны и возникали после встречи с незнакомым народом, отражая свежие впечатления. Древнейшие аутентичные упоминания содержат западноевропейские и византийские источники.

Послы кагана росов у франкского императора

Самое первое, но, к счастью, весьма пространное сообщение о русах сохранилось в Бертинских анналах. Оно как раз касается загадочного государства русов, во главе которого стоял хакан (каган). Жесткие споры о его интерпретации, ведущиеся уже почти три столетия, сполна описаны во введении к этому исследованию. Это не только древнейшее из ныне известных сообщений о русах. Впервые здесь сообщается о наличии у русов государства. Поэтому отнестись к записям анналов следует крайне внимательно и серьезно.

Во времена единой Франкской империи зародилась традиция вести при дворе государя своеобразную летопись, в которой по годам отражались наиболее значимые события (отсюда и название от лат. annus – «год»). «Бертинскими» эти анналы названы по месту находки рукописи в аббатстве св. Бертина на севере Франции. Автор записей известен – это Пруденций, придворный капеллан сначала императора Людовика I (814–840 гг.), а затем, после его смерти и распада империи, – его сына, западнофранкского короля Карла Лысого (840–877 гг.). Это особенно ценно: Пруденций мог присутствовать при появлении русов.

В 839 г. к Людовику прибыло посольство византийского императора Феофила (829–842 гг.), а с ними:

«Прибыли также греческие послы, направленные императором Феофилом, а именно халкидонский митрополит Феодосий и спафарий Феофан, которые, наряду с дарами, достойными императора, доставили послание; император с почестями принял их в 15-й день июньских календ 8 в Ингельхайме. Их посольство имело целью подтверждение мирного договора и вечной дружбы и любви между обоими императорами, а также их подданными... С ними (послами) он прислал еще неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называются рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он (Феофил) просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались ним путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа свеев (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он через упомянутых послов, а также через [собственное] послание не замедлил сообщить Феофилу, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если

*же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними поступить»*⁷.

Эта случайная запись сама по себе дает столько информации, как никакой другой источник IX столетия. Во-первых, это единственный случай подобного написания этнонима «рос» в западных средневековых источниках. Другие документы того времени знают на просторах Европы *Ruzzi, Rizara, Rusci, Ruteni*. Откуда взялись эти названия – выясним позднее. Здесь же явно зафиксировано самоназвание народа, с которым франкам встречаться раньше не приходилось. Значит, политическое образование, которое возглавлял хакан русов, находилось настолько далеко от Франкской империи, что и торговых связей с ним не было.

Главу русов, «именуемого хаканом», летописец империи величает королем. А в Западной Европе, где всегда придавали большое значение генеалогиям и титулам, «разбрасываться» такими словами, как *король*, было не принято. Многих весьма уважаемых государей называли *князьями*. Из этого следует, что неизвестное доселе государство русов после переговоров показало франкам настолько значительным, что сразу удостоилось названия королевства.

Титул кагана свидетельствует о южной, степной локализации росов Бертинских анналов. Именно в степи этот титул приравнивался к императорскому и символизировал не только независимость, но и притязания на первенство в регионе. Из известных франкам народов только один употреблял этот титул – авары. Из степных народов в Центральную Европу к тому времени проникли еще болгары, но их правители назывались ханами, а не хаканами, что на порядок ниже. Следовательно, скорее всего, росы с хаканом во главе обитали где-то в степях Восточной Европы.

Государство росов не могло находиться на севере Европы – об этом свидетельствует сам текст. Земли, располагавшиеся к северу от империи, а именно в Прибалтике, были хорошо или сносно знакомы франкам, так как входили в сферу их политических и торговых интересов. Побережье Балтийского моря, куда сходились важнейшие торговые артерии Средневековья, всегда было лакомым куском, и не одно столетие за него велась жестокая борьба. Недаром балтийские славяне, под контролем которых долго было южное побережье, слыли во 2-й половине I тысячелетия н. э. даже более воинственными, чем дружины викингов.

Направлять свою мысль на север Европы ученых заставляет упоминание в источнике народа свеонов. Действительно, в IX–X вв. шведов часто называли свеонами.

Однако, как ясно указано в анналах, никакого отношения к русам свеоны не имели. И если русы не воспринимались Людовиком как враги, конкуренты или объект политического внимания, то о свеонах этого сказать нельзя. Они хорошо были известны франкам, и где-то их политические интересы сталкивались (иначе им нечего было бы разведывать во Франкской столице).

Таким образом, если не отклоняться от текста, ситуацию можно реконструировать следующим образом. Хакан русов около 838–839 гг. отправил посольство в Византию с целью переговоров о сотрудничестве. Вернуться домой обычным путем послы уже не могли, поскольку обычный путь был перекрыт «свирепыми народами». Учитывая предположительно степное расположение Русского каганата, эти племена были кочевыми. Скорее всего, именно о помощи против кочевников хотели договориться послы с Феофилом. Вряд ли переговоры с византийцами завершились для русов успешно – иначе в тексте было сообщено о союзе Византии с русами, а не сквозило бы недоверие: «*как они уверяли, ради дружбы*». Между тем, в традициях византийской дипломатии император позаботился о безопасности послов, значит, исход схватки хакана русов с кочевниками еще не был решен. В ходе *тщательного расследования* обстоятельств прибытия послов неизвестного государства Людовик выяснил, что кто-то из них

⁷ Перевод А. В. Назаренко. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Том 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010. С.18–21.

происходил с побережья Балтийского моря (вряд ли все посольство). В Средние века обычным делом была служба при дворе стран, связанных политическим или торговым союзом. Из этого можно сделать вывод, что Русский каганат имел какие-то контакты (и весьма тесные) с Прибалтикой, хотя и находился далеко от нее. Людовик не имел возможности сразу определить, являлись ли свеоны официальными представителями русского кагана, или они действительно сочинили такую легенду, чтобы проникнуть в святая святых враждебного государства. Для определения, истина рассказ послы или ложь, нужно было связаться с Русским каганатом, в ожидании чего послы и были задержаны. На этом следы посольства росов теряются, и дальнейшая судьба «свеонов» покрыта мраком. О возвращении их в Византию тоже нигде ни слова. Потому концовку можно предположить и другую: послы неведомого народа *показались* Людовику слишком схожими со свеонами антропологически, остальное дознание было делом техники, с каганом русов связаться не удалось, и послы сгинули в Ингельхайме.

В любом случае, хотя продолжение истории неизвестно, и имеющиеся данные немало сообщают о народе *рос*.

Бертинские анналы не единственный западноевропейский памятник, в котором есть информация о каганате. С ними обычно связывают послание франкского императора и итальянского короля Людовика II (844–875 гг.) к опять-таки византийскому василевсу Василию I (867–886 гг.). Письмо было отправлено в 871 г. и дошло до наших дней в составе Салернской хроники X в. Споря с византийским императором о титулах правителей, Людовик II пишет: *Хаганом (chaganus) же, как мы убеждаемся, звался предводитель авар, а не хазар или норманнов (Normanni), а также не правитель болгар, а король или государь болгар*⁸.

Из контекста понятно, что византийский император правителей хазар, норманнов и болгар называл каганами.

Вполне понятно, что Людовик не знал о других хаганах, кроме аварского: Аварский каганат был разгромлен его прадедом Карлом Великим на рубеже VIII–IX вв. Жаль, что до наших дней не сохранился текст письма Василия, на которое отвечал франкский император. Как отмечает исследователь этого фрагмента Салернской хроники А. В. Назаренко, неясно, какой этникон был на месте «норманнов» в греческом тексте. Наиболее вероятный вариант – просто калька с греческого, и «в послании Василия I читалось нечто вроде «северные народы» или изредка встречающееся в византийских источниках X в. применительно к руси «северные скифы»⁹. Тем паче известно еще одно упоминание русов как «норманнов» в латиноязычном источнике, опиравшемся на греческие. Это Венецианская хроника Иоанна Диакона, в которой упоминается о нападении флота русов, названных там *Normannorum gentes*, на Константинополь около 860 г.¹⁰

Со времени Великого переселения народов в Европе известно четыре каганата (т. е. ранних государства, правители которых в источниках часто именуется каганами): Западный Тюркский, Аварский, Хазарский и Русский. Тюркский каганат, исчезнув за три столетия до написания документа, так и остался неизвестен франкам. Поэтому правомерно предположить, что «северные народы» – это русы. Из этого послания можно сделать два вывода: во-первых, русы с каганом (хаканом) во главе до сих пор не стали хорошо известны в бывшей Франкской империи, а во-вторых, в Византии о них еще помнили. Существовал ли Русский каганат в 871 г. – сказать нельзя.

Таким образом, из франкских хроник известно, что в 1-й пол. IX в. (а может, и позже) где-то в степях Восточной Европы находилось весьма влиятельное в регионе раннее государство с каганом во главе, имевшее контакты с Византией и, возможно, побережьем Балтийского моря.

⁸ Там же. С. 23–24.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 53–54.

Славяне и русы в Баварском географе

Другие древнейшие упоминания этнонима «русь» в латинских источниках Средних веков относятся к немецкой традиции. Связаны ли они с русами (росами) Бертинских анналов или с Киевской Русью?

Самым загадочным памятником считается так называемый Баварский географ. Сохранился он в единственном экземпляре – в виде приписки на обороте последней страницы трактата Боэция о геометрии, и судьба его в науке не была простой. Русским ученым он был известен давно, еще со времен «первого русского историографа» Н. М. Карамзина. Долгое время рукопись ошибочно датировалась XI–XII вв. и даже место ее создания было определено неправильно: считалось, что это монастырь св. Эммерама в Регенсбурге или кафедра архиепископа в Зальцбурге. Только в середине XX столетия было доказано, что запись возникла в монастыре Райхенау, располагавшемся в верховьях Рейна. Таким образом, Географ получается не «Баварский», а «Швабский», а создан был, как выяснилось тогда же, не в XI–XII, а во второй половине IX в. (именно так по палеографическим признакам была датирована рукопись). Но неверное имя закрепилось, и до сих пор в научных кругах употребляется термин «Баварский».

Тем более что в рукописи у этого маленького, но полного тайн текста совсем другое название – «Описание городов и областей к северу от Дуная». Это краткое перечисление более чем пятидесяти племен Центральной и Восточной Европы, большей частью славянских. При этом часто сообщается, сколько у того или иного народа было «городов». Судя по огромному количеству оных (как правило, от 100 до 300), можно предположить, что речь шла не о городах в привычном понимании, то есть центрах ремесла, торговли и политической жизни, а просто об укреплениях. В этом ничего необычного нет: в русских летописях в понятие «город» вкладывался такой же смысл. Странность географа в другом: до сих пор ученые не всегда могут достоверно определить, о каких народах говорит неизвестный автор.

Часто при публикации этого источника в работах о происхождении Руси цитируется только отрывок, где упоминаются Ruzzi. Но в другом месте Баварского географа находится целый ряд этнонимов, в которых есть корень *roz* (в древневерхненемецком звучало «рос»). Исследователи разделяют Географ на две части. В первой описаны народы, хорошо известные по другим источникам и жившие по Эльбе и Дунаю до Сремской области, то есть по славяно-германскому водоразделу. Во второй части, как считается, описана Восточная Европа. Как раз там и сконцентрированы всевозможные русы и россы, а также неизвестные народы явно славянского происхождения. Структура этой части не разгадана до сих пор. Приведем вторую часть таинственного сочинения более полно, благо, оно очень небольшое:

«Остерабтрецы (восточные ободриты? – Е. Г.), 100 <городов>. Малоксы, 67. Пеинцуцы, 70. Тадеши, 200. Бушаны, 231. Шиттицы – области, изобилующие народами и весьма укрепленными градами... Штадицы – <область>, в которой 516 городов и бесчисленный народ. Шеббировсы имеют 90 городов. Унлицы – многочисленный народ, 318 городов. Нериваны имеют 78 городов. Аттросы имеют 148 городов, народ свирепейший. Энтарадицы имеют 263 города. Виллеросы имеют 180 городов. Сабросы имеют 212 городов. Снеталицы имеют 74 городов. Атурецы имеют 104 города. Хосиросы имеют 250 городов. Лендицы имеют 98 городов. Тафнецы имеют 257 городов. Сериваны – это королевство столь велико, что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, свое начало. Прашаны (жители Западного Поморья, где известен был город Pirissa? Brizani «Славянской хроники» Гельмольда? – Е. Г.) – 70 городов. Велунцаны (от названия славянского г. Волин на южном берегу Балтики? Летописные волыняне? – Е. Г.), 70 городов. Брусы (прусы, обитавшие от Нижней Вислы до Немана. – Е. Г.) – во всех направлениях больше, чем от Энса до Рейна. Висунбейры. Кациры (Caziri), 100 городов. Руссы (Ruzzi). Форидерен лиуды. Фрешиты. Шеравицы. Луколане.

Унгаре. Вишлляне (славяне верховье Вислы с центром в позднейшем Кракове. – Е. Г.). Шленцане, 15 городов. Лунишицы, 30 городов. Дазошешаны, 20 городов. Мильцане, 30 городов. Бешицане...

Свевы не рождены, а посеяны. Бейры зовутся не баварами, а бойарами, от реки Боя»¹¹

Прежде чем разобраться, о каких русах и россах идет речь, нужно ответить на другой вопрос: зачем и когда был составлен этот странный памятник? Ясно, что для купцов, миссионеров, послов Баварский географ был совершенно бесполезен. Ориентироваться по нему нельзя: нет расстояний между землями, даже не указаны направления по сторонам света. Редкие комментарии носят скорее ученый, кабинетный характер. Записка создавалась не для практического применения. Это даже нельзя назвать законченным произведением: фразы похожи на обрывки, в конце – не связанный с предыдущим текстом комментарий. Напрашивается вывод, что Баварский географ – это краткий план или конспект материалов к неизвестному, возможно, так и не написанному сочинению, которое должно было назваться «Описание городов и областей к северу от Дуная»... Такое предположение доказывает и местонахождение Географа на чистой странице трактата Боэция, и торопливый, неаккуратный почерк автора.

Но, видимо, этот план уже был приведен в систему, как в первой части, так и во второй. В этом нетрудно убедиться, попытавшись наложить данные Географа на карту. Из большого списка нам относительно известно место жительства всего нескольких племен. Ободриты (бодричи) – это славянский племенной союз, занимавший земли по берегу Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, по рекам Одер, Травна и Варна. Далее по списку это глопяне – племя балтийских славян на территории Великой Польши и Куявии. Следующий этноним – *Busani* – соответствует бужанам Повести временных лет, которые проживали по обоим берегам Западного Буга и верховьям Припяти. Далее после неизвестных народов, в том числе и шеббировсов, упоминаются *Unlizi*. Многие поддаются соблазну отождествить этот народ с уличами Повести временных лет. Но уличи во времена Баварского географа жили на Нижнем Днепре. Тогда едва намечившаяся географическая логика текста пропадает – происходит огромный и необъяснимый скачок на юго-восток. Гораздо более верно предположить, что это один из вариантов написания этнонима «лучане», широко распространенного среди славян (одни лучане известны в районе Луцка на Волыни, другие – в Чехии). В этом случае мы не уходим с торгового пути по Западному Бугу и Висле, ведущего к Балтийскому морю, и оказываемся на просторах между Бугом и Неманом. Здесь обнаруживается скопление всяческих «росов»: атторосы, виллеросы, сабросы, хосиросы, «разреженное» другими неизвестными племенами. Сразу после хосиросов – *Lendizi*, которые давно и уверенно отождествлены с лендзянами – славянским племенем, обитавшем восточнее Западного Буга. Следующий известный этноним – пруссы. Это одно из немногих названий, объяснение которого сомнений не вызывает. Локализация этого летто-литовского племени в Средние века хорошо известна: между речье Вислы и Немана на берегу Балтийского моря. Логика в записке, как видно, все еще присутствует. И по этой логике, **росы обитали тоже в этом междуречье, только не на самом берегу, а чуть южнее по течению.**

Дальше система изложения, на первый взгляд, ускользает. Автор называет каких-то висунбейров, или, по другому прочтению, виссов и бейров. О племени *Wizzi* кое-что известно. Не будем сейчас выяснять его этническую принадлежность (об этом еще будет разговор). Главное, что такой народ знает и автор конца XI в. Адам Бременский, который сообщает, что проживали *Wizzi* в Восточной Прибалтике. И после этого поморского цикла вдруг речь заходит о хазарах и русах, а также неких *Forsderen liudi* (по мнению ученых, от немецкого *forist* – «лес», т. е. *лесные люди*), *Fresiti* (возможно, «свободные жители»), шеравицы и луколане.

¹¹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 14.

Определить, что за местность описана в этом отрывке, невозможно. Ясно, что путь либо начинается с юго-востока Европы (от хазар), либо это просто путаное перечисление народов совершенно незнакомого региона, попавшее к автору записки через десятые руки. Второе предположение представляется более вероятным. В Германии IX в., как мы уже отмечали, Юго-Восточную Европу практически не знали, ибо не было ни торговых, ни политических контактов. Поэтому о руссах Баварского географа нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они во второй половине IX в. обитали где-то в Восточной Европе, не исключено, что рядом с хазарами. Были ли это руссы из Русского каганата Бертинских анналов, или какое-то другое племя, – неизвестно.

Но несмотря на всю свою туманность, Баварский географ сообщил интереснейшую вещь: одни русы (росы) в его время находились на юго-востоке Прибалтики, а другие – в глубине Восточной Европы.

На этом, собственно, древнейшие западноевропейские упоминания IX в. о руссах (именно о руссах, а не ругах, рогах, рутенах и других похожих этнонимах) заканчиваются. Германисту А. В. Назаренко удалось присоединить к этому ряду упоминание некоей Русской марки (*Ruzaramarcha*) на территории современной Австрии в одной из грамот короля Людовика Немецкого от 863 г. Ученый сумел доказать, что первая часть слова представляет собой древневерхненемецкое *Ruzagi* – один из вариантов имени «русь» в этом языке. Оказывается, модель, оканчивающаяся на – *agi*, часто встречалась в этнонимах: *Becheimari* – «чех», *Marhari* – «датчанин» и т. д.¹². Таким образом, получается, что в середине IX в. в местечке в Австрийском Подунавье жили еще какие-то русы. Причем нельзя сказать, что зафиксированный в грамоте анклав был многочисленным: если в названии поселения звучит этноним, то значит, окружающие земли заняты другими народами. Русы явно не составляли большинство населения той территории.

Существуют разные мнения о происхождении дунайских русов. Наиболее интересная и аргументированная точка зрения такова. Дело в том, что в V в. н. э. как раз на этих землях, к северу от Дуная между современными Энсом и Веной, в течение по меньшей мере 30 лет существовало королевство Ругиланд. Его населяло племя ругов, этническая принадлежность которого до сих пор не известна (либо восточногерманское, либо иллиро-венедское). В 480-е гг. государство ругов было разгромлено талантливым полководцем той эпохи Одоакром (по некоторым источникам, тоже ругом). В VI в. Ругиланд часто упоминается в лангобардских хрониках. Читающей Европе же это название было широко известно по популярному в Средневековье Житию святого Северина, написанному в VII в. На время руги исчезают из источников, а в X в. вдруг появляются в западных сочинениях, но не на Дунае, а в Киевской Руси (княгиню Ольгу называют «королевой ругов»). Поэтому есть мнение, что Русская марка на Дунае, как и многие топонимы той местности с корнем *рус*, оставили потомки ругов, уже смешавшиеся со славянами. Так ли это – увидим позднее, а пока важно, что в Западной Европе IX столетия были известны разные русы, одни из которых жили в Прибалтике, другие – в степях Восточной Европы, а третьи, видимо, немногочисленные, – на Среднем Дунае.

Встречи с Византией

Значительно чаще упоминают русов византийские авторы. Это неудивительно: по крайней мере, с русами Восточной Европы был знаком еще император Феофил, с чьими послами прибыли во франкскую столицу послы хакана русов. А в переписке двух императоров именно византиец Василий знает о Русском каганате.

¹² Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994. С. 30–31.

В начале IX в. русские войска атаковали византийские порты на побережье Черного моря – Амастриду в малой Азии и Сугдею в Крыму (в древнерусской традиции Сурож). Об обоих событиях остались подробные рассказы в житиях местных святых – Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Житие Георгия Амастридского было написано, вероятно, между 820 и 842 годами известным византийским сочинителем, впоследствии Никейским митрополитом Игнатием. Известно оно по единственной греческой рукописи. Георгий (ок. 760 – ок. 806 гг.) был архиепископом Амастридским. При нем Амастридская епископия была выведена из состава Пафлагонской епархии и возведена в степень архиепископии. Кроме того, он был жестким противником иконоборчества. В результате он был канонизирован, а еще до этого, как и полагается святому, после кончины стал творить чудеса. Среди чудес было и такое:

«То, что следует далее, и еще более удивительно. Было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды (пролив Босфор. – Е. Г.) и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, беззаконные волияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого готового противостоять. Лугам, источникам, деревьям воздается поклонение. Верховный промысл допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль.

Пастырь добрый не был налицо телом, а духом был с Богом и, в непостижимых судах его читая, как посвященный, лицом к лицу, медлил заступлением и откладывая помощь. Но наконец он не возмог презреть, и вот он и здесь чудодействует не меньше, чем в других случаях. Когда варвары вошли в храм и увидели гробницу, они вообразили, что тут сокровище, как и действительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдруг почувствовали себя расслабленными в руках, расслабленными в ногах и, связанные невидимыми узами, оставаясь совершенно неподвижными, жалкими, будучи полны удивления и страха и ничего другого не имея силы сделать, как только издавать звуки голоса»¹³.

Данное происшествие могло случиться между 806 и 830 годами – после кончины святого, но минимум за несколько лет до написания Жития (иначе Игнатий обязательно указал на то, что событие произошло недавно). Первое, что бросается в глаза, – слова «руси, народа, как все знают». То есть в это время русы уже прославились в Причерноморье, причем, очевидно, не с лучшей для византийцев стороны. Видна в источнике и византийская традиция связывать мистическим образом этноним *рос* с якобы упоминаемым в Ветхом Завете «князем Рош» (в действительности в Библии никакой Рош не упоминается, неточный перевод на греческий древнееврейского титула *наси-рош* – *верховный глава* – породил «архонта Рош»).

В Житии приводится и важная этнографическая особенность – «древнее таврическое избиение иностранцев». Именно по ней можно предположить, откуда пришли росы в Амастриду. Дело в том, что этот ритуал известен еще у древнего арийского населения Крыма – тавров. Античные авторы писали о нетерпимости тавров к иностранцам и об обычае приносить гостей в жертву богам (*ксеноктония*). Видно, что Игнатию русы представляются прямыми потомками тавров, сохраняющими их древние традиции. Интересно, что подобный обычай

¹³ Васильевский В. Г. Труды. Т.3. Пг., 1915. С. 64–69.

независимо от византийцев отмечают у русов арабо-персидские авторы Средневековья (об этом в следующих главах). Да и для греческих писателей X–XII вв. (льва Диакона, Константина Манассии) русы – это тавроскифы, то есть потомки ираноязычных кочевников Причерноморья и тавров. Не исключено, что остатки тавров действительно смешались с русами, передав им что-то из своих традиций. То есть Игнатий фактически «поселяет» росов в степях Причерноморья и Крыму.

Продолжает историю взаимоотношений русов и Византии константинопольский патриарх Фотий. Его свидетельства о походе русов на Царьград в 860 г. широко известны, практически хрестоматийны. Их использовал еще один из авторов Повести временных лет, приписав знаменитое нападение киевским правителям Аскольду и Диру. Но русы Фотия к Киевской Руси отношения не имеют.

Константинопольскому патриарху Фотию (ок. 810 – после 886) принадлежит несколько сочинений, в которых упоминается народ *рос*. Фотий (низложен в 867 г.) стал непосредственным свидетелем нападения русов на Константинополь в 860 г. Выдающийся литератор, полемист и канонист, Фотий оставил две речи-беседы («гомилии»), которым позже было дано название «На нашествие росов». Через семь лет Фотий написал Окружное послание к «восточным патриархам», где снова упомянул нападение 860 г., однако росы уже называются «подданными и друзьями», а также упоминается о **крещении этого народа**. «Беседы» и «Окружное послание» особенно любопытны при сравнении между собой.

Беседа первая:

<...> Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий безнаказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим – поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей – все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее – как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей. <...>

Где ныне василевс христолюбивый? Где войска? Где оружие, [оборонительные] машины, полководческие советы и приготовления? Разве не нашествие других варваров перенесло и отвлекло на себя все это? И василевс выносит дальние труды за рубежами [империи], воинство отправилось с ним и разделяет тяготы, – нас же истощает гибельное убийство, на наших глазах наступившее одних и уже наступающее других. Этот скифский народ, жестокий и варварский, выползая из самых предвратий города, будто полевой зверь объел (Пс. 80 (79), 14) окрестности его...¹⁴

Беседа вторая.

<...> Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул будто морская волна на наши пределы и будто полевой зверь объел (Пс. 80 (79), 14) как солому или ниву населяющих эту землю, – о кара, обрушившаяся на нас по попущению! – не щадя ни человека, ни скота, не стесняясь немощи женского пола, не смущаясь нежностью младенцев, не стыдясь седин стариков, не смягчаясь ничем из того, что обычно смущает людей, даже дошедших до озверения, но дерзая пронзять мечом всякий возраст и всякую природу <...>¹⁵»

Из «Окружного послания»

¹⁴ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. М.: Восточная литература. 2003. С. 35, 36.

¹⁵ Там же. С. 57–58.

«<...> *И ведь не только этот народ* (дунайские болгары, принявшие крещение вначале 860-х гг. – Е. Г.) *переменил прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже сам ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности, тот самый так называемый [народ] Рос, те самые, кто – поработив [живших] окрест них и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руку на самую Ромейскую державу! Но однако ныне и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере <...> что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам»¹⁶.*

Эти два произведения, созданные одним человеком, кажется, противоречат друг другу, но при сравнении с другими византийскими источниками они дают немало информации о таинственном «варварском» народе.

Скифами по античной традиции (со времен Геродота и реальных скифов) в византийской литературе называли племена, жившие в степях Причерноморья и в Крыму. Этническую принадлежность по этим словам определить нельзя. Ученые древнего мира и раннего Средневековья называли все население какого-либо региона по имени господствующего этноса или народа, с которым больше всего приходилось контактировать. А знание того времени было крайне консервативно, за истину принимался текст, написанный пятьсот, а то и тысячу лет назад, который не *исправлялся*, а лишь *дополнялся* современными сведениями. С середины I тысячелетия до н. э. Северное Причерноморье, степи Подонья и Приднепровья назывались Скифией. Поэтому характеристика русов как «скифов» говорит об их обитании в этих местах. Вторая «беседа» дополняет характеристику словами о кочевом укладе русов.

Очевидно, что сообщение Фотия о месте обитания русов и их образе жизни прекрасно согласуется с житием Георгия Амастридского, помещавшим этот народ в Северном Причерноморье и Крыму.

Но в 860 г. Фотий утверждает, что русы ранее были *народом бесвестным* для Византии. А в «Окружном послании» (867 г.) русы уже представлены как хорошо знакомый византийцам этно. Конечно, можно предположить, что в Константинополе вообще не слышали до 860 г. о русах, а происшествие начала века в отдаленной Амастриде осталось для столицы незамеченными. Однако Фотий об абсолютной неизвестности не говорит, просто до похода, по его словам, русы были *незаметным, не бравшимся в расчет, причисляемым к рабам*. Это уже свидетельствует о знакомстве с русами до нападения на Константинополь. Уничжительная характеристика может быть отнесена на счет жанра произведений Фотия. Главной задачей патриарха было показать внезапность и неотвратимость нашествия, причиной которого был гнев Божий на Царьград (ничтожные русы выступали как карающее орудие), и Божью милость, которая единственная могла спасти город. Но, возможно, фраза о рабах имела реальную основу: Византия славилась невольничьими рынками, и туда могли привозить на продажу русов, плененных врагами далеко от границ империи.

То есть как политическая сила, способная *потревожить Византию*, русы выступили впервые. Почему Фотий не упоминает о посольстве русов 838–839 гг., описанном в Бертинских анналах? Ведь русы с хаканом во главе должны были обитать где-то в тех же краях, что и нападавшие на Константинополь. Ответить на этот вопрос на основании только западных письменных источников невозможно. Но пока отметим, что дипломатическая переписка и придворная хроника, с одной стороны, и эсхатологические «беседы» – с другой – совершенно разные жанры с непохожими задачами. Если хрониками германских императоров мог пользоваться только очень ограниченный круг лиц, то пропагандистские послания Фотия были рассчитаны

¹⁶ Там же. С.75.

на широкие массы образованного городского населения, которому совершенно не обязательно было знать об интересах империи в Северном Причерноморье и способах их реализации.

«Окружное послание» знаменательно не только тем, что русы за 7 лет стали вдруг многократно прославленными (это вполне понятно, так как нападение вызвало широкий резонанс). В нем сообщается и об обращении русов в христианскую веру. Причем если один из киевских летописцев знал о походе русов на Константинополь, не только приписав его Аскольду и Диру, но и объявив, что с этих пор «стала прозываться Русская земля», то о крещении в Древней Руси известно не было. Почему это знаменательное событие не отражено в христианской традиции Повести временных лет? Повесть временных лет молчит о принятии христианства, между тем как в Византии об этом знает не только Фотий, но и император середины X в. Константин Багрянородный, и писавший чуть позже продолжатель Хроники Феофана, и автор XI в. Георгий Кедрин. Иные ученые, не желая признавать существования других русов, кроме киевских, объявляют, что крещение приняла какая-то разбойничья дружина то ли славян, то ли викингов. Но византийцы в один голос говорят не об отряде, а о народе.

Фотий пишет о крещении русов как о большом дипломатическом успехе. Ведь принявших христианство по византийскому образцу в Константинополе воспринимали как *подданных и союзников*. Политическое значение могло иметь обращение какой-то земли, народа, а не шайки разбойников. Фотий проводит аналогии между крещением русов и Дунайской Болгарии, ставя эти события в один ряд. А с болгарам у Византии были весьма сложные отношения, и их крещение действительно было большой победой греческой дипломатии.

Кроме того, исходя из сведений о епископе очевидно, что в Окружном послании речь идет о крещении не дружины воинов, а племени, населяющего *определенную территорию*. Анонимный византийский хронист, т. н. Продолжатель Феофана, писавший около 950 г., относя события к патриаршеству Игнатия (867–877 гг.)¹⁷, добавляет, что епископ прибыл в столицу русов (название император не упоминает):

«Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он также склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных божьих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках в печи, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». А он, веря в истину рекшего: «Если что попросите во имя мое, то сделаю» и «Верующий в меня, дела, которые творю я, и он сотворит и больше сих сотворит, когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения души», сказал им: «Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны». И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза

¹⁷ Некоторые ученые пытаются разделить крещение русов при Фотии и Игнатии, но вряд ли в этом есть необходимость. В 867 г. правили и тот, и другой патриархи. Фотий был свергнут 25 сентября 867 г. из-за своей политической позиции. Императора Михаила III убил его соправитель Василий I Македонянин, а Фотий открыто выступил против узурпатора. В результате Фотия отправили в ссылку, назначив лояльного Игнатия. Поэтому вполне вероятно, что заслуга в крещении русов была приписана Игнатию.

и руки к Богу и рек: «Прославь имя твое, Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени», – и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповоры книги не испортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению»¹⁸.

Этот рассказ повторяется многими византийскими писателями XI–XII вв., а в XVI в. с ним познакомились и московские книжники, которые срочно включили его в летописи и хронографы, приписав крещение Аскольду (так повествует Хронограф западнорусской редакции 1512 г. и Никоновская летопись). В сообщении хрониста важно то, что архиепископ отправился в **страну русов** и вел переговоры с их правителем.

Где находилась эта страна – очень определенно говорит автор XI в. Георгий Кедрин, используя материалы предшественников (во времена самого Кедрина Киевская Русь уже затмила остальные):

¹⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Любарского Я. Н. М. Наука. 1992. С.142–143.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.